Б. С. БОДНАРСКИЙ

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Р. Ф. БРАНДТА

ДОКЛАД
НА ЗАСЕДАНИИ РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
20 мая 1920 г.

МОСКВА
Отд. оттиск из ж. „Библиогр. Известия".
1924

Б. С. БОДНАРСКИЙ

Глубокоуважаемому
милому и дорогому моему
другу и учителю от преданного
всей душой
В. Бодянский

Москва, 9/IV 25.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Р. Ф. БРАНДТА

ДОКЛАД
НА ЗАСЕДАНИИ РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.
20 мая 1920 г.

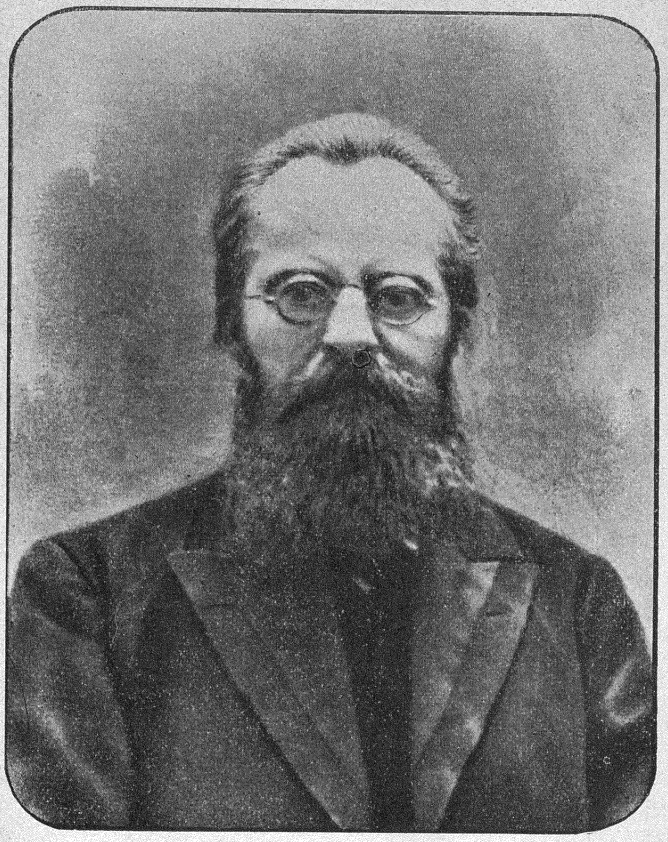

МОСКВА
Отд. оттиск из ж. „Библиогр. Известия".
1924

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Академии наук СССР
498
50

Главлит № 29338 Тир. 50 экз.

Интернациональная (39-я) типография «Мосполиграф». Путинковский, 3.

Р. Ф. Брандт.

Жизнь и деятельность Р. Ф. Брандта.

(† 2 марта 1920 г.).

Роман Федорович Брандт родился 4 декабря 1853 г. в Петрограде, где и получил как среднее, так и высшее образование (в Ларинской гимназии, Филологическом Институте и Университете).

Семейная обстановка, в которой рос Р. Ф, была исключительно благоприятной. Его отец, знаменитый зоолог Федор Федорович Брандт был членом Российской Академии Наук, основателем и директором Зоологического Музея; заслуги его перед русской наукой настолько велики, что Академия сочла справедливым выбить в его честь специальную медаль и установить постоянную премию его имени за лучшие сочинения, содержащие в себе самостоятельные изыскания в области зоологии, зоогеографии, сравнительной анатомии и зоопалеонтологии.

Старший брат Р. Ф. Александр с раннего возраста нес на себе талант отца и впоследствии стал известным профессором зоологии.

Точно также недюжинными способностями обладали и его сестры — Мария и Анна Федоровны: первая имела тяготение к природоведению, чему впоследствии нашла блестящее приложение, явившись неутомимым помощником своему мужу Густ. Ив. Радде, известному путешественнику, основателю и директору Кавказского Музея; вторая — к фольклору. Ее сказки и рассказы, по мнению самого Р. Ф., были главным толчком к развитию в нем поэтической фантазии, которая с ранних лет и до последних дней его жизни заставляла его часто менять перо ученого на лиру поэта.

Сказки сестры о различных странах и их обитателях, которые хотя и трактовались живущими „за тридевять земель в тридесятом царстве“, очевидно, зародили в Р. Ф. вопросы и о людях, живущих в конкретной действительности.

— Каковы нравы этих людей, каков их язык? — вот вопросы, рано запавшие в душу юного слушателя, положив в ней зерно для будущего филологического дерева. Как известно, Р. Ф. стал лучшим знатоком целой ветви народов — славян, — языками которых владел свободно.

---

[1]) Настоящий некролог был прочитан на соединенном заседании Русского Библиографического О-ва при Московском Университете и Историко-Филологического Ф-культета Университета 9 мая 1920 г., посвященном памяти Р. Ф. Брандта.

Наряду с этим впечатления от Зоологического Музея, основанного отцом Р. Ф., куда он ребенком бегал чуть ли не ежедневно, несомненно, зародили в Р. Ф. любовь к животному эпосу, что̀ и сказалось в облюбовании им стихотворного рода басен, часть которых вошла в сборник, составленный Р. Ф. под псевонимом Ореста Головнина.

Наконец, вся литературно-научная обстановка в целом, царившая в родном доме, зародила в Р. Ф. страсть к книгам и тем самым положила в его душе зародыш библиографический.

Таковы те троякого рода факторы, которые создали духовный облик будущего филолога, поэта и библиографа.

*
* *

Обратимся же теперь к дальнейшему изложению тех страниц из книги жизни Р. Ф., под влиянием которых сложилось его миросозерцание.

17-ти лет Р. Ф. окончил (с отличием) гимназию, на 22 году (в 1875) уже имел диплом Университета и, как обнаруживший большое дарование к лингвистике, был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию.

Прежде, чем войти на кафедру, Р. Ф. направляется заграницу, где в 1876-77 г. г. в Лейпциге и Праге совершенствуется в сфере избранной им науки.

Быстро прошел Р. Ф. всю подготовительную стадию для своей научной карьеры, и уже 25-ти лет мы видим его на кафедре славянской филологии в Нежинском Институте, а еще через 9 лет, в 1886 г., — на кафедре старейшего русского университета, где бессменно в течении 34 лет состоял профессором-славистом, восстановив много лет до него не происходившее преподование исторической грамматики русского языка.

Обращаясь к трудам Р. Ф., как филолога, следует отметить прежде всего то общее направление, каким проникнута его деятельность.

В отношении метода на Р. Ф. больше его ближайших руководителей наших знаменитых славистов: Вл. Ив. Ламанского и Изм. Ив. Срезневского влияли: славист Лескин и языковеды — Остгоф и Бругман, а также их последователь Ив. Алекс. Бодуэн де Куртене.

Таким образом, Р. Ф. присоединился к направлению, известному под именем „младограмматического", которое, как известно, сказывается в преобладании психологического объяснения изменений, наблюдаемых в формальном строе языков и, как у Бодуена де Куртене, — в сведении фонетических процессов к физиологическим („физиологическая фонетика").

Насколько в Р. Ф. отражаются идеи младограмматической школы, видно из следующих его слов, являющихся его как бы филологическим credo: „Я стою на том, что в языке вследствие того, что всякое говорение есть постоянное подражание речи других или своей собственной, прежней, главную роль играет аналогия, изменение слов по образцу других; звуковое же (фонетическое) применение имеет второстепенное значение". (Из речи на 25-летнем юбилее 17 марта 1912 г.)

В самом изложении науки Р. Ф., по его индивидуальности, резко выделяется из ряда других русских ученых: его постоянным стремлением была сжатость изложения, а также простота и некоторое изящество, без мудреных оборотов и нескладно переведенных слов.

Это стремление иногда побуждало его менять обычные грамматические термины, то сокращая их (как напр. „творный" падеж вм. „творительный"), то восстановляя древнейшую терминологию (напр. „родный" падеж вм. „родительный"), то заимствуя у других славян — чехов, сербов и пр. (напр.: „числовка" вм. „числительное", „множина" вм. „множественное число" и др.), а изредка и вновь переводя („назывный" падеж вм. славянороссийского „именительный") и даже вновь образуя („предметное имя", „предметица" вм. „существительное" и т. п.).

Осуждающие эти термины, по мнению Р. Ф., совершенно игнорируют, насколько от них выигрывает склад речи. Иные термины, кроме того, имеют и более глубокое значение. Таковы, напр., названия для склонений: „еровое", „оновое", „азовое", пущенные в ход потому, что нумерация склонений — бессмысленна и не установлена, а название по основам, бывшим в доисторические времена, но давно вышедшим из сознания, далеко от истинной „научности".

Здесь будет кстати сказать, что эти упрощенные термины способствовали стремлению Р. Ф. к сжатости изложения (чем он особенно дорожил); в свою очередь сжатость изложения объясняет, по мнению Р. Ф., кажущийся ему сравнительно небольшой объем его ученого авторства.

Нельзя не заметить, что это мнение Р. Ф. покоится на исключительной скромности его и должно быть признано не справедливым. Кажущийся ему „небольшой объем" ко дню 25-летнего юбилея научной деятельности Р. Ф., когда мы пытались составить библиографию его трудов, составлял около 100 печатных работ, какое число почти удвоилась ко времени его смерти, — при чем список работ, на ряду с журнальными статьями и поэтическими произведениями, изобилует такими классическими трудами, как Фонетика и морфология сербского языка, Фонетика и морфология польского языка., Обзор славянских литератур, Сравнительная грамматика славянских языков, Лекции по славяно-русской палеографии и т. д.

Кроме глубокого знания филологии, как науки, Р. Ф. обладал поразительным даром полиглота: он владел в совершенстве 20 языками, — гл. обр. славянскими.

В отношении многоязычности его могли оспаривать лишь два языковеда: Фил. Фед. Фортунатов и Фед. Евг. Корш. Что же касается слявянских языков, то пальма первенства безусловно принадлежит Р. Ф — чу.

И действительно, здесь он был непревзойденным: он на любом славянском языке мог exprompto слагать стихи. Так, в Праге им почешски был произнесен стихотворный экспромпт при торжестве закладки памятника Палацкому, а в Кракове — по-польски при открытии па-

мятника Мицкевичу; наконец, не так давно в стенах нашего Университета Р. Ф. выступал по-чешски по случаю 150-летия со дня смерти Яна Гуса.

Научная деятельность Р. Ф., как слависта-языковеда, привела его и на поприще практического деятеля по сближению славян. Р. Ф. в течение всей своей жизни не пропускал ни одного более или менее выдающегося случая, чтобы не принести и своей лепты на алтарь славянских симпатий.

Его вышеупомянутые речи в Праге, Кракове и т. д. преследовали именно эту цель. Особенно дорога Р. Ф—чу была идея русско-польского примирения, с какой целью, кроме непосредственного общения с поляками, он содействовал также усиленным сравнительно с другими славянскими литературами иследованием богатой и прекрасной польской литературы.

Идея сближения людей захватила Р. Ф. в последнее время еще глубже: он стал поборником общечеловеческого братства, что и заставило его обратить свое внимание на международный язык „эсперанто", в области которого он очень скоро стал одним из наиболее крупных и популярных авторитетов.

Наконец, говоря о Р. Ф., как языковеде, необходимо упомянуть и о его энергичной деятельности в отношении реформы русского правописания.

Казалось бы, здесь Р. Ф. мог чувствовать полное нравственное удовлетворение после акта, санкционировавшего упростительную реформу. Но и здесь, как в вопросе славянского сближения, Р. Ф. сделал новый шаг. Незадолго до смерти им была приготовлена к печати работа, в которой он зовет русских на путь объединения с Западом посредством... латинизации русского алфавита.

***

Говоря о литературной деятельности Р. Ф., следует прежде всего отметить, что Р. Ф. — поэт-стихотворец, самым любимым жанром которого была басня.

Басни Р. Ф. как оригинальные, так и переведенные им с различных языков (греческого, английского, немецкого, французского, итальянского и славянских), обладают значительными достоинствами: им, как и всем другим поэтическим произведениям Р. Ф., присуща одновременно и сжатость и выпуклость изложения, что, в свою очередь, делает их особенно ценными и в педагогическом отношении.

Подтверждением этому может служить тот факт, что, на-ряду с баснями Крылова и др., наши хрестоматии стали было вводить и басни „Ореста Головнина".

Как мимо басни, историк русской литературы не может пройти и мимо большого поэтического труда Р. Ф.: перевода поэмы Торквато Тассо „Освобожденный Ерусалим".

Этот перевод (2 тома in-8^0, 540 стр.) целиком сделан рифмованными стихами, при чем автору удалось настолько уловить дух подлинника, что русской публике, несмотря на наличие переводов таких

опытных переводчиков, как Мин и Лихачев, можно сказать, впервые был открыт истинный Торквато Тассо.

На такой точке зрения стоит покойный проф. Де-ля-Барт, который подчеркивает, что перевод сделан чисто-русским языком (без „модернизации") с присущей перу Р. Ф—ча точностью. Между прочим, Де-ля-Барт, в подтверждение своих слов, ссылается на 103-ю строфу VI песни:

„Царила ночь: безоблачно-ясна;
„Она покров свой распустила
„И уж лучами хладными луна
„Росы живые капли серебрила...

Страсть к поэзии не покидала Р. Ф. до самой смерти, и менее чем за месяц до рокового дня 2 марта он с большой грустью говорил нам о невозможности в настоящее время найти издателя на сделанный им перевод „Лузиад" Португальского Гомера — Камоэнса.

*
* *

Наконец, мы должны коснуться деятельности Р. Ф., как библиографа. С этого нам следовало бы, кажется, начать, а может быть этим и ограничиться. И если мы, однако, предпочли предварительно дать краткую характеристику Р. Ф., как ученого-филолога и поэта, то лишь для того, чтобы возможно полнее обрисовать библиографический лик почившего.

„Библиографическая жилка", как выражался Р. Ф. ,с самого раннего возраста давала себя чувствовать в нем.

Еще на школьной скамье он возился с своими книгами, описывая и систематизируя их, инстиктивно ища и создавая библиографические методы, посредством которых книжная масса могла бы быть превращена в библиотеку.

И в дальнейшем во всех своих ученых трудах сразу бросаются в глаза приемы библиографа, который тщательно и неуклонно старается приводить, с краткой оценкой, литературу и мнения предшественников.

А его „Обзор славянских литератур" мы, библиографы, с полным правом зачисляем в актив наших специальных библиографических трудов.

Независимо от всего этого, Р. Ф. неоднократно выступал также на путь практической библиографии в качестве инициатора и руководителя многих научно-библиографических начинаний. Так, еще в Нежинском Институте он был в числе руководителей работами при организации академической библиотеки (гл. обр. по вопросам библиографической классификации). Точно также и Московский Университет, когда понадобилось составить каталог библиотеки-семинария Историко-Филологического факультета, остановился на Р. Ф., избрав его в Комиссию для выработки общих библиографических норм, которыми следовало руководиться при составлении каталога (классификация, расположение ссылок и т. п.).

В „Отчете о состоянии" Каталога оффициально засвидетельствовано, что „особенную" помощь в этом отношении оказал Р. Ф.

Наконец, Русское Библиографическое Общество при Московском Университете, всегда строго учитывая библиографический удельный все профессоров, из среды которых избираются его председатели, при смене президиума в 1910 г. единогласно избрало Р. Ф. на пост Председателя, с какой поры каждый раз при новых выборах Р. Ф. являлся единственным кандидатом в Председатели.

И не только Общество, но и все его Комиссии (б. Толстовская, Библиотекономии, Сибиреведения и Книгоснабжения раненых) неизменно избирали Р. Ф. своим Председателем, как испытанного, беспристрастного и чуткого судью при решении всевозможных специальных библиографических вопросов.

Библиографические заслуги Р. Ф. высоко ценились и другими учеными ассоциациями. Так, Толстовское Общество, вместе, с организацией Библиографической Комиссии, избрало Р. Ф. членом названной Комиссии, а вскоре затем старейшее из библиографических учреждений северной столицы „Русское Библиологическое Общество" избрало Р. Ф. своим почетным членом. Наконец, Университет Шанявского, организуя Курсы библиотечного дела в 1913 г., пригласил Р. Ф. для чтения лекций по истории книги (библиографические пролегомены).

Особенно много заслуг понес покойный Р. Ф. перед нашим Библиографическим Обществом старейшаго Университета, где он, как уже упоминалось выше, руководил как самым Обществом, так и его Комиссиями.

Понадобился бы объемистый фолиант, чтобы изложить все по самым разнообразным библиографическим вопросам произнесенные Р. Ф. в заседаниях Библиографического Общества речи, мотивированные и подчас весьма обширные реплики, сообщения и доклады.

Для иллюстрации ограничимся лишь упоминанием о последних, притом лишь наиболее типичных.

„Библиографический обзор изданий стихотворений Фед. Ив. Тютчева и трудов, посвященных его жизни и литературной деятельности" — был один из первых докладов Р. Ф., в котором он подверг строгому анализу библиографию как Тютчева, так и о нем. В этом докладе ярко сказался Р. Ф , как славист-языковед, поэт и библиограф, почему доклад по общему признанию, является одним из лучших когда-либо произнесенных в Обществе.

Затем обращает на себя внимание доклад на тему „Петровская реформа азбуки". Доклад был прочитан на заседании Русского Библиографического О—ва, посвященном 200-летию гражданского шрифта (1708 — март – 1908).

Здесь Р. Ф. в тонкостях разбирает реформу Петра Великого, показывая как положительные, так и отрицательные ее черты и попутно высказывая свои весьма остроумные соображения относительно необходимости дальнейших реформ в этом направлении. (Доклад напечатан в сборнике Русского Библиографического Общества „Двухсотлетие гражданского шрифта". Москва, 1910).

На тему из области практического книговедения был прочитан Р. Ф—чем доклад „О всемирном формате", где докладчик популяри-

зирует идею однообразного формата т. наз. „mono“ (Доклад напечатан в № 1—2 ж. „Библиогр. Известия“ за 1914 г.).

Таким же специально-книжным был доклад, касающийся Лейпцигской „Международной выставки книжного дела“.

Доклад был иллюстрирован многочисленными материалами, привезенными Р. Ф—чем с выставки, среди которых особенно интересна матрица рельефной печати.

Далее идут доклады: „О польской библиографии в новейшую пору“, „О библиографической части Шляпкинской Истории русской словесности“, „О жизни и трудах сербского библиографа и государственного деятеля Стояна-Новаковича“; 1 июня 1918 г. Р. Ф. выступал со словом, посвященным памяти крупнейшего русского библиографа, нашего почетного члена Д. В. Ульянинского.

*
* *

Последний раз Библиографическое Общество видело Р. Ф. в своих стенах 24 января т. г.

Ничто не предвещало близкого конца.

Лично я получил от Р. Ф. письмо, датированное 14-м февраля. Письмо сообщало о разыгравшейся в его доме страшной семейной драме...

Но писано оно, как всегда, четким и твердым почерком Р. Ф—ча...

Еще за несколько дней до смерти Р. Ф. читал своей знакомой отрывок из переведенного им Камоэнса.

И вдруг его не стало...

Передают, что накануне он сказал: „Как бы я хотел заснуть и не просыпаться“...

Смерть, как думают, последовала от разрыва сердца ..

Какая же неимоверная рана была нанесена носителю этого сердца, если от нее скончался человек, который всю свою жизнь жил не для себя — для людей, поэзии, науки — и, казалось, окончательно потерял способность даже думать о себе...

Что Р. Ф. был действительно таков, — с этим может ли кто-ниб. из знавших его не согласиться?

До застенчивости скромный, он никогда и ни на кого не возвышал голоса, — даже на явных своих обидчиков.

Незлобивый и мягкий, он никогда не отзывался дурно ни о ком, — даже о явных его недоброжелателях.

И в то же время не было, кажется, человека упорнее его в отстаивании своих принципов и решительнее — в проведении этих принципов в жизнь.

Эти качества Р. Ф. были публично отмечены многочисленными друзьями и почитателями Р. Ф. на банкете, данном Русским Библиографическим Обществом 17 марта 1912 г. по случаю 25-летия ученой и литературной деятельности тогдашнего юбиляра.

Наиболее метко выразился в своей речи Лев Мих. Лопатин:

— При бесконечной доброте характера, можно сказать нежности, Р. Ф., по словам названного оратора, тверд, как скала, когда дело касается его убеждений.

Громом апплодисментов были встречены тогда эти слова.

С чувством глубочайшей тоски повторяем мы их теперь.

Б. Боднарский.

Отдельный оттиск из журнала «Библиографические Известия» за 1920 г.

Главлит № 29338—50 экз.—39 типография «Мосполиграф».